

0- 774907

На правах рукописи

л

Попкова Марина Владимировна

Фразеология мемуарных текстов Георгия Иванова
(структурно-семантический и функциональный аспекты)

10.02.01 – русский язык

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Омск – 2008

Работа выполнена на кафедре русского языка, литературы и методики их преподавания ГОУ «Омский государственный педагогический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Павлова Наталья Алексеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кузьмина Наталья Арнольдовна
ГОУ «Омский
государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Ермакова Елена Николаевна
ГОУ «Тобольский государственный
педагогический институт»

Ведущая организация: ГОУ «Челябинский государственный
педагогический университет»

Защита состоится 23 декабря 2008 года в 13 часов на заседании
Диссертационного совета ДМ 212.179.02 по защите диссертаций на соискание
учёной степени доктора филологических наук в Омском государственном
университете (644077, г. Омск, пр. Мира, 55 а).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Омского
государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Автореферат разослан 22 ноября 2008 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000514497

Никитина Е.А.

Мемуарные тексты являются объектом разноаспектных исследований современных гуманитарных наук.

Мемуары рассматриваются с общих позиций категории жанра: выявляются их конструктивные признаки, динамика и статика в развитии жанровой формы, дифференцирующие и интегрирующие черты жанровых модификаций (В.С. Барахов 1975, 1976, 1980, 1984; А. Барштейн 1990; Л.Я. Гинзбург 1971, 1979; Е.К. Кириллова 2004; О.В. Маркова 1990; З.Р. Сутаева 1998; М.Г. Уртминцева 2005; А.В. Яркова 1999, 2002 и др.).

Лингвистических изыскания посвящаются описанию устойчиво закреплённой за каждым жанром и регулярно воспроизводимой системой речевых средств, включающей лексические и фразеологические единицы, грамматические средства (морфологические категории, сочетаемость), образные средства и их иерархические отношения (Н.Ф. Алефиренко 2004; М.А. Бакина 1991; С.В. Бересток 2002; Н.С. Болотнова 1992, 2007; Л.М. Бондарева 1994; Т.Г. Винокур 1989; А.Н. Захаров 1995, 1996 и др.).

В настоящее время изучается специфика речевого функционирования в мемуарном тексте отдельных текстовых категорий (М.Н. Левченко 2003; Н.А. Николина 2002; Т.В. Романова 2004; О.И. Тарасова 2003); выявляются особенности субъектной организации мемуарных текстов (Л.М. Бондарева 1994; Н.А. Николина 2002; Н.А. Орлова 2004).

Мемуары имеют особую ценность как источник информации о прошлом. По выражению Э. Фукса, мемуары это – «зеркало эпохи. Они отражают историческую позу, в которой человек хочет дожить до потомства». Историческая правда или историческая поза – две стороны личности мемуариста (А.В. Антюхов 2001; Л.М. Бондарева 1994; А.А. Галич 1991; Н.В. Дулова 1998; Т.М. Колядич 1993, 1998; А.Ю. Мережинская 1981; Т.Е. Милевская 2001; Н.Б. Полищук 1981; Т.Г. Симонова 2002; И.П. Смольникова 1982 и др.).

Учёные исследуют мемуарные тексты, принадлежащие носителям разных типов речевых культур, что даёт основание квалифицировать мемуары не только как литературный, но и как речевой жанр (Л.М. Бондарева 1994; Н.А. Николина 1991, 1999, 2002, 2003; Н.А. Орлова 2004 и др.).

Возрастает интерес к проблемам функционирования фразеологизмов в контексте творчества одного писателя: (Е.И. Алещенко 1998; С.В. Анохина 2007; Л.К. Байрамова 1991; И.А. Ильинский 2004; Е.В. Комарова 1992; Е.В. Лаврушина 1999; О.П. Фесенко 2003 и др.).

Литературоведческие и лингвистические исследования являются взаимосвязанными и взаимодополняющими. Теория литературы не даёт «достаточно чёткой сети координат для измерения объёма понятия “жанр”» (С.С. Аверинцев). Один из путей уточнения этого понятия – учёт речевых средств, которые закрепляются за жанром в процессе его становления и развития.

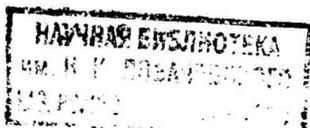
Творчество Георгия Владимировича Иванова – яркого представителя культуры Серебряного века – на долгие десятилетия оказалось забытым. Литературное наследие Г. Иванова, названного современниками “первым поэтом русского зарубежья”, включает, наряду с поэтическими, мемуарные, литературно-критические произведения. Создание мемуарных текстов явилось для Г. Иванова-поэта первым прозаическим опытом, получившим широкий общественный резонанс. Ему, «пришедшему в мир, чтобы писать стихи, требующие слишком бережного, взыскательного и умелого отношения к слову» (Г.В. Адамович), удалось и в прозе создать особую художественную форму – образную, метафорическую, отличающуюся большим разнообразием языковых изобразительных средств, своеобразную по степени экспрессивности, прагматического эффекта, эстетического и эмоционального воздействия. Исследование «субстратных элементов Петербургского текста» (В.Н. Топоров), относящихся к природной, духовно-культурной, материально-культурной, исторической сферам, позволяет считать мемуарные тексты Г. Иванова частью единого Петербургского текста.

Критики, литературоведы, лингвисты рассматривают в основном поэтическое творчество Г. Иванова (А. Арьев 1994, 2004, 2006; Н. Богомолот 1989; И. Большев 2006; М.Ю. Гапенкова 2003; Т.В. Данилович 2000; А.Н. Захаров 1995, 1996; И.Н. Иванова 1999; А.С. Карпов 1998; В. Крейд 1987, 2005, 2007; Ю. Кублановский 1994; О. Кузнецова 2000; Р.Н. Лейни 2000; Ю. Несынова 2000; Е. Пономарёв 2002; В.Ю. Прокофьева 2002; А. Пулин 1995; А.Е. Рылова 2006; С.Г. Семёнова 1999; Е.В. Сергеева 1996; И.А. Тарасова 2003, 2004; Р.Д. Тименчик 1995; А.В. Трушкина 2004; А.А. Хадынская 2004; Т.Ю. Хмельницкая 1994 и др.).

С точки зрения М.М. Бахтина, жанр как «устойчивый тип высказывания» характеризуется «особым тематическим содержанием, стилем» (лексические, фразеологические и грамматические средства языка) и «композиционным построением». Мемуарные тексты Г. Иванова не были предметом специального исследования ни в одном из названных аспектов. Отдельные замечания о функционировании фразеологических единиц (ФЕ) в мемуарных текстах И. Одоевцевой и Г. Иванова содержатся в статьях А.В. Овчинниковой (2002, 2004, 2008).

Всё сказанное выше определяет актуальность данного диссертационного исследования.

Мемуары как пограничный тип повествования соединяют в себе два признака: документальность – воспроизведение подлинных обстоятельств реального мира и художественность – воссоздание действительности в образах, что служит основанием для выделения двух его разновидностей: документально-художественной и художественно-документальной (беллетризованной) прозы. Художественно-документальный текст понимается как коммуникативно направленное вербальное произведение, представляющее собой совокупность речевых актов и обладающее эстетической ценностью, выявляемой в процессе его восприятия (В.А. Пищальникова), что определяет

сочетание двух подходов к анализу текста: функционально-лингвистического, предполагающего выбор автором языковых средств из имеющегося тезауруса в соответствии с собственным замыслом и представлениями о мире, и функционально-коммуникативного, акцентирующего внимание на создателе текста как на уникальной языковой личности, чья совокупность социальных и индивидуальных черт находит отражение в создаваемых текстах, также направленных в социум. Актуальность изучения ФЕ в мемуарных текстах Г. Иванова обусловлена возможностью интерпретации смысловой организации текста, в составе которого фразеологическая система определяет его структуру и целостность.

Объектом исследования является фразеология мемуарных текстов Г. Иванова как один из элементов в системе жанрообразующих речевых средств.

Предмет исследования – структурно-семантические свойства, характер преобразований и функционирование фразеологизмов в мемуарных текстах Г. Иванова.

В работе принято узкое понимание фразеологизма как «раздельнооформленной единицы языка, выражающей понятие и соотносительной по общим и частным семантическим и грамматическим признакам со словом определённой части речи» (А.М. Чепасова).

Материалом исследования являются 1419 ФЕ в 3365 употреблениях, функционирующих как в узуальном (1081 ФЕ в 2976 употреблениях), так и в трансформированном виде (338 ФЕ в 389 употреблениях), извлечённые из мемуарных текстов Г. Иванова путём сплошной выборки.

Методология диссертационного исследования базируется на основных положениях теории речевых жанров (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, М.Ю. Федосюк); теории лингвистического исследования текста (И.Р. Гальперин). Существенное влияние на формирование научной концепции диссертации оказали работы Н.А. Николиной, рассматривающей речевую организацию автобиографической прозы (1991, 1999, 1999, 2002, 2003). Анализ фразеологического материала основывается на фразеологических концепциях А.М. Чепасовой, В.М. Мокриенко, А.М. Мелерович, Н.Ф. Алефиренко.

Цель исследования – дать разноаспектное описание фразеологического состава мемуарных текстов Г. Иванова, определить характер функционирования фразеологизмов, выявить общие и индивидуальные приёмы их использования. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Установить жанровую принадлежность текстов Г. Иванова и выявить их своеобразие.

2. Определить корпус фразеологических единиц и степень их употребительности в мемуарных текстах.

3. Исследовать и описать структурно-семантическую организованность фразеологизмов.

4. Выделить узуальные и трансформированные ФЕ, установить их соотношение в мемуарных текстах.

5. Описать стилистическую принадлежность и эмоционально-экспрессивную окрашенность ФЕ.

6. Исследовать функции ФЕ в мемуарных текстах Г. Иванова.

7. Выявить способы введения ФЕ в контекст и специфику взаимодействия ФЕ с контекстным окружением.

Цель и специфика описываемого материала определили выбор методов исследования. Для решения поставленных задач использовались общие и специальные научные методы и приёмы: 1) описательный метод (при исследовании структурно-семантической организации фразеологизмов, функционирующих в мемуарных текстах Г. Иванова); 2) метод компонентного анализа (при исследовании структуры фразеологического значения); 3) дистрибутивный метод (для изучения характера изменения сочетаемости трансформированных фразеологических единиц); 4) метод семантической идентификации (при выделении семантико-грамматических классов фразеологизмов и толковании индивидуально-фразеологического значения); 5) статистический метод (при выявлении степени частотности употребления различных типов фразеологизмов); 6) метод контекстуального анализа (при исследовании реализации семантики ФЕ в условиях контекста); 7) метод сплошной выборки оригинального материала картотеки.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нём впервые представлена систематизация ФЕ мемуарных текстов Г. Иванова, дано их разноаспектное описание; исследованы виды трансформаций узуальных ФЕ; выявлены текстовые функции ФЕ и способы их включения в контекст.

Теоретическая значимость работы определяется полученными новыми знаниями в области жанровой специфики мемуарных текстов и их речевой организации. Данные исследования вносят свой вклад в выявление и описание стилевых жанрообразующих речевых средств и их потенциалов, способствуют разработке лингвистических основ описания индивидуально-авторского стиля, развитию теории окказиональных трансформаций узуальных фразеологических единиц. Выявление полифункциональности ФЕ позволяет уточнить методику комплексного филологического анализа устойчивых оборотов.

Практическая значимость состоит в возможности использования материалов и результатов исследования в теоретических курсах по жанроведению, фразеологии, в содержании дисциплины “Филологический анализ текста”, в школьном изучении языка и стиля художественного произведения, в лексикографической практике при составлении фразеологических словарей разных типов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Наличие обязательных и специфических характеристик позволяет квалифицировать тексты Г. Иванова как художественно-документальную (беллетризованную) разновидность мемуарной прозы в контексте единого Петербургского текста.

2. Мемуарные тексты Г. Иванова характеризуются широтой использования фразеологических средств. Фразеологическое ядро в языке Г. Иванова составляют узуальные фразеологизмы. Узуальная фразеология мемуарных текстов Г. Иванова представлена двумя семантическими разрядами: номинативные фразеологизмы (641 ФЕ) и неноминативные (440 ФЕ). Наиболее активно писатель использует качественно-обстоятельственные ФЕ (328 единиц) и модальные ФЕ (151 единица).

3. Периферию образуют окказиональные варианты узуальных ФЕ (277 ФЕ) и собственно окказиональные фразеологизмы (61 ФЕ). Трансформированные фразеологизмы активно участвуют в создании образа автора, в формировании идиостиля, транслируют яркие черты языковой личности Г. Иванова.

4. ФЕ в мемуарных текстах Г. Иванова выполняют следующие функции: лаконизация речи, обобщающая, метатекстовая, динамическая, стилистическая функция в её изобразительно-оценочной разновидности; участие в реализации текстовых категорий – информативности, модальности, континуума и когезии, автосемантии отрезков текста, интеграции и завершённости. Своеобразие функционирования ФЕ в мемуарах Г. Иванова проявляется в синкретизме – одновременном совмещении нескольких функций на уровне минимальных отрезков текста. Функционирование ФЕ определяется 1) их семантической структурой, так как многообразие функций создаётся актуализацией различных уровней фразеологического значения; 2) коммуникативной ситуацией, в которой определяющей является авторский замысел (интенция).

5. Номинативные ФЕ участвуют в формировании содержательно-тематического плана текста, образуя общие тематические группы со значением “время”, “пространство”, “человек”, “деятельность”, “совесть, нравственный закон, мораль”, “оценка”.

6. 584 ФЕ (54 % от общего числа узуальных ФЕ) обладают функционально-стилистической окрашенностью. Наиболее употребительными в мемуарных текстах Г. Иванова являются разговорно-просторечные ФЕ, вносящие в повествование оттенок непринуждённости, простоты, отражающие язык людей разных социальных слоёв. По эмоционально-экспрессивной окраске преобладают единицы с отрицательной оценочностью, в частности, иронические и пренебрежительные.

7. Индивидуальность авторского использования ФЕ проявляется в количестве и частотности употреблений фразеологических единиц, в выборе ФЕ и их соотношении в пределах одной классификации, в трансформациях фразеологизмов, в способах введения ФЕ в контекст повествования (употребление одной ФЕ; включение ФЕ в сочетании с другими ФЕ; употребление рядом одинаковых ФЕ или ФЕ и её варианта; употребление ФЕ в сочетании с другими языковыми единицами).

Апробация работы. О результатах исследования докладывалось на Международной конференции “Русская филология: язык – литература – культура” (Омск, 2004); на ежегодной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей (Тара, 2004); на Всероссийской научной

конференции памяти профессора В.А. Лебединской (Курган, 2005); на Международной научно-практической конференции “Пушкинские чтения” (Санкт-Петербург, 2005, 2006); на Международной филологической конференции (Санкт-Петербург, 2006); на Международной научно-практической конференции (Кострома, 2006, 2008). Основные положения диссертации нашли отражение в семи публикациях.

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования. Работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, библиографического списка, пяти приложений (1. Индекс узуальных фразеологических единиц. 2. Стилистически окрашенные узуальные фразеологические единицы. 3. Типы варьирования узуальных фразеологических единиц. 4. Трансформированные варианты узуальных ФЕ. 5. Окказиональные фразеологические единицы),

Основное содержание работы.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его объект, предмет; даётся описание методологии и методов исследования; формулируются цель и задачи работы, отмечается её научная новизна, теоретическая и практическая значимость; представляются основные положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** “*Специфика мемуарного жанра*” рассматриваются проблемы мемуарного жанра, выделяются его конститутивные признаки, определяется принадлежность анализируемых текстов мемуарному жанру (§ 1), выявляются особенности организации мемуарных текстов Г. Иванова (§ 2).

В § 1 “*Проблемы мемуарного жанра и его конститутивные признаки*” рассматриваются особенности мемуаров как вторичного (литературного) речевого жанра, определяется жанровая принадлежность текстов Г. Иванова.

Выделение коммуникативной функции как основной функции языка привлекло внимание лингвистов к тексту как результату речетворческой деятельности. Текст как высказывание индивидуален, но каждая сфера использования языка вырабатывает относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний – *речевые жанры*. Оформление высказывания в той или иной жанровой форме даёт говорящему возможность проинформировать адресата о своём речевом замысле, или коммуникативных намерениях. Речевой жанр МЕМУАРЫ создаётся следующими интенциями (А. Вежицкая 1997): – Хочу писать о разных вещах, которые помню из моей жизни (1). – Пишу это, потому что хочу сказать то, что помню об этих вещах (2). – Думаю, что люди хотели бы знать об этих вещах и хотели бы иметь возможность представить их себе так, как я их помню (3). Следовательно, в основе речевого жанра МЕМУАРЫ лежат как внешнекоммуникативные, так и автокоммуникативные установки говорящего/пишущего. Широкое понимание М.М. Бахтиным речевых жанров актуализирует вопрос о соотношении собственно речевых (первичных) и литературных (вторичных) жанров, который пока остаётся нерешённым. Наиболее аргументированной представляется точка зрения, согласно которой понятие речевого жанра является родовым по отношению к понятию литературного жанра (В.А. Салимовский 2003). При отнесении текста к первичному/ вторичному речевому жанру определяющей является

принадлежность языковой личности как создателя текста к определённому типу речевой культуры. Для представителей первичных типов речевой культуры (просторечная, диалектная формы) характерно минимальное различие письменной и устной формы речи, вследствие чего их мемуарные тексты в большей степени приближены к реализации первичного (устного) жанра «воспоминание». В мемуарных текстах носителей вторичного типа речевой культуры используется ряд стилистических приёмов, направленных на изображение самого процесса воспоминания, – образные параллели, связанные со словами *память, воспоминание, жизнь, время, прошлое*, подвижная временная точка отсчёта, синхронизация изображённого и повествующего субъекта, ассоциативно-хронологический принцип компоновки событий – что даёт основание говорить о тяготении данных текстов к художественной речи и позволяет отнести их к разряду вторичных речевых жанров (Н.А. Орлова 2004). Прделанный нами анализ текстов Г. Иванова доказывает их принадлежность к мемуарному жанру, так как наличествуют его характерные, выделяемые в литературоведческих исследованиях, признаки: *субъективность* (личностное начало); *ретроспективность*, вызывающая появление двух временных планов; наличие *особого хронотопа, обусловленного перспективно-ретроспективным движением мысли повествователя*, заключающегося в хронологической подвижности; *концептуальность; репрезентативность*.

Характерное для текстов Г. Иванова преобладание “общих планов”, изображений людей, большая часть которых представляет различные литературные течения Серебряного века – символизм, акмеизм, кубофутуризм, эгофутуризм, футуризм... – кружков (литературных объединений, печатных изданий, которых названо около 20), социальных явлений – даёт основание квалифицировать их как мемуарные очерки.

§ 2 “Особенности организации мемуарных текстов Г. Иванова” посвящён выявлению дифференциальных признаков мемуарного повествования Г. Иванова. Тексты Г. Иванова, как мы отметили выше, отвечают всем жанровым признакам мемуаров. Но, чтобы быть интересным читателю, автор, будучи организующим центром, не может слепо переносить жанровые параметры на свой материал.

Кроме коммуникативных интенций, определяющих многие из характеристик текста, на его облик в значительной степени влияет статус адресата. Адресату мемуаров, в которых описывается эпоха, отошедшая в прошлое, как бы приписывается признак неосведомлённости. Автор мемуаров всегда остаётся своего рода положительным героем: всё изображаемое оценивается с его точки зрения, и он должен иметь право на суд и оценку (Л.Я. Гинзбург 1971). Наличие у субъекта положительного идеала или основания, сформированного на базе ценностно-ориентировочной деятельности, убеждённости в общезначимости своего представления об идеале являются предпосылками иронии, понимаемой нами как «выражение эмоционально-ценностного, эстетического отношения» (В.М. Пивоев 2000). Ироническое видение мира как мировоззренческая черта Г. Иванова прослеживается исследователями на протяжении всего творческого пути, но особенно оно проявляется в период эмиграции (И.Н. Иванова 1999; Р.Н. Лейни 2000). Чаще всего ирония строится на использовании во внешнем плане

положительной характеристики при подразумевании во внутреннем, скрытом, плане – отрицательной (приём иронического возвеличивания): «– А Петька-то опять у “Медведа” устроил скандал – слышали? – вставляет, соскучившись умными разговорами, эстет вовсе серый. – Нализался, велел принести миску, пустил туда омара... Рассуждавшие о Леонардо смотрят на него укоризненно – кричит во весь голос и ещё какую-то чушь. Что скажет мэтр?.. Но мэтр [М. Кузмин – М.П.] как раз заинтересован. – **Что вы говорите, Жоржик! Опять нализался. Ха, ха!**». Для характеристики первого говорящего используется оксюморон: **эстет** («поклонник всего изящного») **вовсе серый** (перен. «посредственный, ничем не замечательный»); перен. «малокультурный, необразованный». Модальная ФЕ **что ты (вы) говоришь (говорите)** в ответной реплике выражает эмоциональное состояние изумления, недоверия по поводу сказанного. Эмоциональное состояние субъекта передаётся и на синтаксическом уровне: ФЕ вынесена в начало высказывания и тем самым выделена логическим ударением. Кроме того, реакция на сообщение вербализована звукоподражательной языковой единицей “**ха-ха**”. С другой стороны, включённая в бытовой диалог ФЕ приобретает сему иронической коннотации, которая, в свою очередь, обуславливает появление такой же семы в структуре слова **«мэтр»** (книжн.) – «деятель искусства или науки – почитаемый авторитет среди своих учеников, своего окружения (часто при обращении или упоминании)», через которое мемуарист даёт имплицитную оценку говорящему.

Характерное для мемуарных текстов Г. Иванова отсутствие для большого разрыва между временем изображаемого действия и временем повествования о нём (первый мемуарный очерк из цикла “Китайские тени” был опубликован в эмигрантском издании “Звено” 7 июля 1924 г., когда автору было неполных тридцать лет и тогда со времени эмиграции прошло менее двух лет) приводит к тому, что среди его адресатов, наряду с неосведомлёнными, оказались и персонажи воспоминаний – «внутренние адресаты». Связь с внутренним адресатом осуществляется через «включение в авторский текст целых текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций, аллюзий» (Е.В. Падучева 1996). Большинство инткестов вводится Г. Ивановым без атрибуции, что позволяет предположить, что Г. Иванов в качестве адресата предполагал своего современника со сходным образовательным и культурным потенциалом (с соотносительной пресуппозицией) и что косвенно подтверждает форма публикации в эмигрантской прессе, которая может свидетельствовать как о несерьёзном отношении к своему письму (известно, что отдельными изданиями при жизни Г. Иванова выходили только “Петербургские зимы” (1928; 1952)), так и о придании ему статуса актуальности с возможностью получения быстрого отклика. Как первичную интенцию, лежащую в основе мемуаротворчества Г. Иванова, мы выделяем желание “выкричать” свою боль (по мнению И. Одоевцевой, из всех, кого она знала в эмиграции (которая «сравнима с экзистенциональной пограничной ситуацией, демонстрирующей индивиду его отчуждённость и заброшенность» (И.Н. Иванова 1999)), «никто не переживал её так остро и больно, как <...> Георгий Иванов»), ибо, по Г. В. Ф. Гегелю, «Лучшее облегчение в том, чтобы её выкричать, высказать её целиком. Выражение делает боль объективной и

восстанавливает равновесие... Только в выражении она осознаётся, а то, что осознаётся, потом уходит». Мы полагаем, что комплекс авторских интенций, лежащих в основе модели мемуаров как речевого жанра, выделенный А. Вежибкой, актуален для позднего Г. Иванова, готовившего к публикации второе издание «Петербургских зим», когда «в России осталось, может быть два-три человека, в эмиграции нет ни одного» из «так близко знавших» А. Блока и Н. Гумилёва, как знал их» он. Именно замысел (коммуникативная цель) публикации второго, дополненного варианта «Петербургских зим», может быть определён как сохранение во времени (в коллективной памяти) информации о событиях, ставших предметом воспоминаний (Н.А. Николина 2002).

В анализируемых текстах отмечены следующие виды интертекстуальных элементов: 1) эпиграф, 2) кодовые цитаты, 3) «точечные цитаты», 4) цитаты из прецедентных текстов, 5) цитаты из других источников, 6) автоцитаты, – используемые для реализации композиционной, обобщающей, оценочной, полемической, прагматической (апеллятивной), характеризующей функций; для иронического обыгрывания; для установления аналогии; как средство создания художественного образа.

Неординарность повествования Г. Иванова поддерживается метафорическими заглавиями «Китайские тени», «Петербургские зимы».

Авторское определение темы – «быт литературного Петербурга» – обуславливает широкое использование субстратных элементов «Петербургского» текста, позволяет рассматривать мемуарные тексты Г. Иванова в контексте единого «Петербургского» текста. Субъективизированное выделение тумана как специфического природного явления делает лексему туман с дифференциальными семами «неясность», «нечёткость», «мутность», «расплывчатость» наряду с лексемой сны – образным средством, характеризующим работу памяти, с дифференциальными семами «неясность», «нечёткость», «бессознательность», «ирреальность», «недоверность» ключевыми словами, составляющими семантическую доминанту мемуарных текстов Г. Иванова. Речь идёт о неконтролируемом процессе воспоминания о смутном, неясном прошлом, что объясняет широкое использование средств беллетризации: описаний, прямой речи персонажей, прямой и опосредованной интертекстуальности, повышенной семантической значимости заглавий. Текст в большей степени создаётся воображением, а не работой памяти. Наличие обязательных и специфических характеристик позволяет отнести тексты Г. Иванова к художественно-документальной (беллетризованной) разновидности мемуарной прозы.

Во второй главе «Фразеология мемуаров Г. Иванова» определяется корпус фразеологических единиц и степень их употребительности в мемуарных текстах, выделяются узуальные (§ 1) и трансформированные ФЕ (§ 2). В мемуарных текстах Г. Иванова употребляются 1419 ФЕ (3365 употреблений), среди которых 1081 узуальная ФЕ – 76 % (2976 употреблений – 88 %) и 338 трансформированных ФЕ – 24 % (389 употреблений – 12 %). Количество единиц на страницу текста составляет 3 ФЕ (7 употреблений).

В § 1 “Узуальные фразеологические единицы” рассматривается стилистическая принадлежность ФЕ мемуарных очерков Г. Иванова, определяются типы структурного варьирования ФЕ.

Фразеологизмы выполняют в тексте стилистическую нагрузку. Стилистическая маркированность содержит дополнительную информацию об уместности, допустимости, оптимальности употребления фразеологизма в определённых условиях общения. ФЕ, выявленные в мемуарных текстах Г. Иванова, рассматриваются с функционально-стилистической точки зрения, по эмоционально-экспрессивной окрашенности. Также в нашем материале отмечены ФЕ, квалифицируемые с позиций современного русского литературного языка как пассивные. Для выявления стилистической принадлежности анализируемых ФЕ мы обратились к данным фразеологических словарей русского языка.

Общее количество узуальных ФЕ	ФЕ, не имеющие стилистических помет	ФЕ, имеющие ограничения в употреблении	ФЕ с различными стилистическими пометами, дополнительными характеристиками
1081 ФЕ	405 ФЕ	42 ФЕ	634 ФЕ

584 ФЕ – 54 % от общего числа узуальных ФЕ – обладают функционально-стилистической окрашенностью. Наиболее употребительными в текстах Г. Иванова являются разговорные ФЕ: 473 ФЕ (81 % от числа ФЕ с функционально-стилистической окраской) в 1097 употреблениях (86 % от числа употреблений ФЕ с функционально-стилистической окраской), что связано с отнесением мемуаров Г. Иванова к художественно-документальному (беллетризованному) повествованию, для которого характерно широкое использование моделированной прямой речи. Среди разговорных ФЕ 243 ФЕ (52 % от числа разговорных ФЕ) в 387 употреблениях (35 %) встречаются в речи мемуариста, представленного в трёх ипостасях, – как персонаж отдельных эпизодов, повествователь и комментатор. Кроме того, ещё 85 разговорных ФЕ (15 %) в 524 употреблениях (48 %) употребляются одновременно как в речи мемуариста, так и в речи персонажей. Отметим, что наибольшее количество книжных ФЕ (39 ФЕ – 72 % в 65 употреблениях – 68 %) также приходится на представителей автора мемуарного текста. Равноправное взаимодействие в тезаурусе языковой личности Г. Иванова книжных и разговорных ФЕ объясняется механизмом *кодowych переключений*, обеспечивающих представителям элитарного типа речевой культуры умение в процессе коммуникации *переключаться* с одних разновидностей языка на другие (полигlossность) (Л.П. Крысин 2001). Основанием для отнесения Г. Иванова к элитарному (полнофункциональному) типу речевой культуры служат не только формальные основания, как-то: происхождение, образование, профессиональная принадлежность – но и свойственная ему «высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности»: “первый поэт русского зарубежья”, мемуарист, новеллист, литературный критик; «высокая продуктивность переработки всех услышанных

и прочитанных текстов», что находит отражение в органичном включении в ткань повествования “чужого слова” (интертекстуальность выделяется нами как дифференциальный признак мемуарных текстов Г. Иванова), «большой объём активного словаря» (Т.В. Кочеткова 1996), что проявляется в насыщенности анализируемых нами текстов фразеологическими единицами, придающими дополнительную образность повествованию.

50 ФЕ (5 %) имеют в узусе пометы оценочного типа. В 39 ФЕ содержится указание на отрицательную оценочность, что отражает общезыковую тенденцию, обусловленную экстралингвистическим фактором – восприятием положительного как нормативного, в связи с чем необходимость в оценке возникает при отклонении от нормы. ФЕ, характеризующиеся сниженной оценочностью, употребляются либо в речи персонажей, содержащей самооценку, либо в речи повествователя, направленной на персонаж: *«Стоит сравнить его переводы хотя бы с такими общепризнанно мастерскими, как переводы Брюсова или Вячеслава Иванова. Они детский лепет и жалкая отсебятина рядом с переводами Лозинского»*. В семантической структуре предметной ФЕ *детский (младенческий) лепет* – «наивные, поверхностные, примитивные суждения, мысли» выявляются доминирующие семы «незрелый», «примитивный», «поверхностный»; коннотативные семы «отрицательная оценочность», «пренебрежение». *«И вдруг сказал совсем другим голосом, трезво, сухо: – Порю чепуху. Брюсов – посредственная литературная величина. А я – пропойца и плут»*. – Говорящий через узуальный процессуальный фразеологизм *пороть (нести) ерунду (ахинею, дичь, вздор, галиматью, чепуху, чушь)* – «говорить, писать и т.п. глупости», в семантической структуре которого содержится сема «глупый», «несуразный», коннотативная сема отрицательной оценочности, характеризует свою коммуникативно-речевую деятельность.

42 ФЕ (4 %) с пометой «устаревшее» имеют ограничения в сфере употребления, что в целом свидетельствует о современности языка Г. Иванова. Отметим, что для Г. Иванова-персонажа и Г. Иванова-повествователя ФЕ *Божий дар (дар божий), Ваша (Его, Их) честь <...> принадлежать/принадлежать к ногам (стопам) кого, чьим <...> с Богом (Господом, Христом)(!) <...> честь имею (кланяться)*, связанные с современными ему реалиями, являются языковыми единицами активного употребления. Язык Г. Иванова-комментатора спустя десятилетия также не претерпевает существенных изменений ввиду ограниченности общения в эмиграции, куда он попал, будучи взрослым человеком с полностью усвоенным родным языком.

Несмотря на жёсткую закреплённость компонентного состава ФЕ в языке, отмечается тенденция к структурному развитию, что проявляется в восьми типах варьирования: количественном, компонентном, морфологическом, морфемном (словообразовательном), фонетическом, графическом, синтаксическом, комбинированном (комплексном, смешанном). По данным нашей картотеки, в 323 ФЕ (30 % от общего числа узуальных ФЕ) допускается структурное варьирование. Приведём пример синтаксического варьирования, заключающегося в изменении порядка следования компонентов, «обусловленного необходимостью смысловых акцентов и усиления прагматики высказывания в общем контексте описываемой ситуации» (Н.С. Болотнова

2007): «И зачем переводить других, если, **Бог даст**, вас самих будут когда-нибудь с благоговением переводить». Через прямой порядок следования компонентов, акцентируя внимание на именном компоненте – наименовании мифического существа **Бог**, повествователь иронически оценивает тщетность таких надежд. В другом примере: «Русский читатель никогда не был и, **даст Бог**, никогда не будет холодным “эстетом”, равнодушным “ценителем прекрасного”, которому нет дела до личности поэта» через обратный порядок следования компонентов Г. Иванов-комментатор выделяет глагольный компонент **даст**, тем самым придавая своему высказыванию большую степень уверенности.

В 88 % случаев Г. Иванов использует форму ФЕ, фиксируемую фразеологическими словарями русского языка как инвариант.

В § 2 “Трансформированные фразеологические единицы” определяются способы и приёмы авторских трансформаций, характерные для мемуарного повествования Г. Иванова. В качестве важнейшего фактора индивидуально-авторских преобразований исследователи называют коммуникативно-прагматическую компетенцию носителей языка, проявляющуюся, в частности, в выборе знака в процессе организации речи, когда оценивается пригодность/непригодность данного знака удовлетворять всем условиям успешности речевого акта. Причинами авторских преобразований ФЕ являются неадекватность передачи авторского замысла, необходимость в дополнительной экспрессии и в придании большей образности своему высказыванию. Преобразованные фразеологизмы вносят в текст 1) определённый стилистический колорит, 2) экспрессивное наполнение, 3) дополнительные семантические оттенки, 4) активизируют в целом восприятие контекста. Несмотря на довольно большое количество работ, посвящённых классификации способов и приёмов преобразования фразеологических единиц (Е.А. Алешенко 1998; А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко 2001; И.Ю. Третьякова 1993; И.В. Труфанова 1985 и др.), общепринятой классификации до сих пор не выработано. Наиболее аргументированной представляется позиция Н.Г. Михальчук (2002), которая выделяет три способа преобразований ФЕ, – 1) формально-грамматический, 2) семантический, 3) структурно-семантический. Способ окказионального преобразования представляет собой комплекс различных преобразовательных механизмов, которые по-разному реализуются в конкретных приёмах окказионального преобразования ФЕ, т.е. способ объединяет несколько приёмов, соотносясь с каждым из них как общее с частным (И.Ю. Третьякова 1993). Используемая нами классификация диктуется требованиями анализируемого материала и является следствием обобщения имеющихся в современной науке классификаций:

1. Приёмы формально-грамматических преобразований:

1) фонетическая (орфоэпическая) трансформация ФЕ: *чай нейдёт в горло* (в узусе – *кусочек не идёт в горло*; доп.: замена компонента);

2) преобразование компонентов на морфемном (словообразовательном) уровне: *встать из пепла* (в узусе – *восставать/восстать из пепла*);

3) морфологические преобразования ФЕ: *пробы пера* (в узусе – *проба пера*);

4) синтаксические преобразования:

– дистантное расположение компонентов: *бросился на плакате в глаза* (в узусе – *бросаться/броситься (кидаться/кинуться) в глаза кому*),

фразеологическая инверсия (намеренное изменение порядка следования компонентов): *шкуру свою надо спасти* (в узусе – *спасти/спасти (свою) шкуру*),

– синтаксическая трансформация (изменение управления): *хоть пруд пруди такими Каратаевыми* (в узусе – *хоть пруд пруди кого-чего*);

5) изменение категориального значения ФЕ: и мужичок *туда же* (в узусе – модальная ФЕ, в контексте – призначная);

6) деривация: *сведение на нет* (в узусе – *сводит/свести на нет*).

II. Приёмы семантических преобразований ФЕ:

1) наполнение ФЕ новым смысловым содержанием: *тю-тю* – «умереть» (в узусе – «пропадать, исчезать»);

2) изменение коннотативного содержания ФЕ: *витья (извиваться, вертеться) व्यюном (ужом, змеей) около кого, золотое сердце*;

3) двойная актуализация (двойной семантический план): *душа горит на сатне вертелов*;

4) контекстное толкование ФЕ: *кануть в Лету* – «начать писать под псевдонимом» (в узусе – «исчезнуть, уйти в небытие»);

5) семантическая инверсия (конверсия ситуации, ролевая инверсия): *довести до точки* (в узусе – *дойти до точки*).

III. Приёмы структурно-семантических преобразований ФЕ:

1) расширение компонентного состава ФЕ: *под русским сапогом* (в узусе – *под сапогом*);

2) эллипсис компонентного состава ФЕ: *моё нижайшее почтение* (в узусе – *моё (нижайшее) почтение*);

3) изменение, расширение лексико-семантической и синтаксической сочетаемости ФЕ: Петербург <...> *катился по наклонной плоскости* (в узусе – *катиться/покатиться по наклонной плоскости*);

4) замена компонентов в составе ФЕ: *играть в пятнашки* (в узусе – *играть в бирюльки*);

5) контаминация ФЕ: *и следа нет (след простыл + и помина (-у) нет)*;

6) смысловое выделение компонентов ФЕ: *Пришёл мне конец. Нет, конец* (в узусе – *конец приходит/пришёл кому*);

7) использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения: *в белой* не та сила (*белая головка*);

8) преобразование синтаксической модели:

– компаративация и декомпаративация: *точно про себя* (в узусе – *про себя*),

– переход ФЕ с утверждением в ФЕ с отрицанием и наоборот: *не осталось и тени* (доп. значение – «преобразился») (в узусе – *осталась (только) тень от кого* – «побледнел, стал болезненным на вид»),

– редуцирование глагольного компонента ФЕ: *к стенке* (модальная ФЕ, в узусе – *ставить/поставить к стенке (стене) кого* – процессуальная),

– редуцирование служебных компонентов ФЕ: *казённая надобность* (предметная ФЕ, в узусе – *по казённой надобности* – «по служебным делам» – качественно-обстоятельная ФЕ);

9) образование ФЕ по аналогии структурно-семантической модели: в сердце (в узусе – *в (на) душе*);

10) образование ФЕ с использованием образа узуальной ФЕ при помощи компонентов конкретной семантики: *переменить саблю на перо* (в узусе – *перековать мечи на орала*);

11) образование ФЕ, аналогий которым в узусе не зафиксировано: *не вакса; сапогом сыграть; счастья твоя Бог*;

12) образование слов на базе ФЕ: *первоклассный, первосортный*.

Результатом трансформации может быть образование как окказиональных вариантов узуальных ФЕ (277 ФЕ – 82 % от числа трансформированных фразеологизмов), так и собственно окказиональных (индивидуально-авторских) ФЕ (61 ФЕ – 18 %).

Окказиональные варианты узуальных ФЕ, «имеют признак окказиональности, но сохраняют семантическую тождественность фразеологическому инварианту. Окказиональный вариант отличается от собственно узуальной ФЕ наличием дополнительных смысловых оттенков, изменением некоторых грамматических признаков» (И.Ю. Третьякова 1993). Наиболее продуктивными при их образовании, по данным нашей картотеки, оказались приёмы структурно-семантических преобразований (76 ФЕ – 39 %), среди которых самый частотный приём – замена компонентов в составе ФЕ (субституционные изменения) (17 ФЕ – 22 % в 18 употреблениях – 21 %). Приём замены компонентов а) синонимичным словом, б) лексемой одной тематической группы или лексемой с общими периферийными семами, в) конкретной лексемой (-ами) приводит к выделению, подчёркиванию фразеологизмов в тексте. При этом автор, как правило, преследует несколько целей: конкретизацию значения ФЕ, усиление образности и экспрессии, внесение дополнительных смысловых и коннотативных оттенков:

«<...> предельно честный с жизнью, с людьми и с самим собой, Блок родился с “ободранной кожей”, с болезненной чувствительностью к несправедливости, страданию, злу». В результате замены атрибутивного компонента *тонкой* в узуальном ФЕ признающей семантики с *тонкой кожей* – «легкоранимый, болезненно остро реагирующий на что-либо неприятное, оскорбительное» лексемой *ободранной* в значении ФЕ появляется новая сема «полное отсутствие защиты», происходит расширение фразеологического значения, усиливается образность и экспрессия.

Формально-грамматический способ актуален для 74 ФЕ – 38 %. К самым частотным его приёмам относятся синтаксические преобразования – 54 ФЕ (73 %). Наименее продуктивны в мемуарных текстах Г. Иванова приёмы семантических преобразований (46 ФЕ – 23 %), наиболее употребительным из которых является приём двойной актуализации: под влиянием особым образом организованного контекста во ФЕ проявляется двойной семантический

план – фразеологическое и этимологически исходное значения (29 ФЕ – 63 %). «Он [М. Кузмин – М.П.] принадлежал к числу любителей чая и, распивая его, любил поболтать, только не о серьёзном. – О чём опять спорите? – спрашивает он со стариковской улыбочкой, **проходя мимо** “поэтического стола”. – О стихах, Мишенька, тебе не интересно, – говорит Гумилёв. – Ах, опять о стихах... Когда кончите, скажите – приду к вам посидеть...». Только расширенный контекст в форме диалога позволяет определить, что персонаж не просто “совершает движение” мимо объекта, а намеренно игнорирует его (в узусе – **проходить/пройти мимо чего** – «не обращать внимания, упускать из виду что-либо»).

81 окказиональный вариант (29 %) образован вследствие комплексного (комбинированного) использования способов и приёмов. Число приёмов, одновременно используемых Г. Ивановым при образовании окказиональных вариантов ФЕ, колеблется от двух до шести. Так, узуальная ФЕ **соль земли** подвергается семантическим (двойная актуализация, изменение коннотативного содержания ФЕ), структурно-семантическим (расширение компонентного состава за счёт атрибутивной лексемы) трансформациям: «Произошла забавная метаморфоза: **всесильная оппозиция, свергнув монархию, превратившись из оппозиции во власть, неожиданно стала бессильной**. “Соль земли русской” вдруг потеряла вкус». Расширяя ФЕ прилагательным-определением, автор намеренно прибегает к стилизации, имитируя былинный стиль – **земли русской**. Наложение компонентов ФЕ **соль земли** и свободного словосочетания **русская земля** с обратным порядком следования компонентов, увеличивает оценочный потенциал близеизма **соль земли** (высок.). С другой стороны, происходит оживление буквального значения первого компонента ФЕ – **соль потеряла вкус**. Использование трансформированной ФЕ, образующей в микроконтексте перифразу, заменяющую существительные «оппозиция», «власть», приводит к ироническому обновлению семантической структуры ФЕ (в узуальном употреблении **соль земли** – «самые лучшие, талантливые, дееспособные, полезные для общества люди»), что на практике не всегда тождественно понятиям «оппозиция» или «власть».

61 ФЕ (18 %) квалифицируется нами как собственно окказиональная ФЕ. Образование окказиональной ФЕ является следствием переосмысления узуальной ФЕ, преобразованием внутренней формы ФЕ, изменением категориального значения. Образование 42 ФЕ, не зафиксированных в узусе, является результатом структурно-семантических преобразований, происходящих при использовании следующих приёмов: 1) преобразование синтаксической модели ФЕ, 2) образование ФЕ по аналогии структурно-семантической модели ФЕ, 3) образование ФЕ с использованием образа узуальной ФЕ, 4) образование ФЕ, аналогий которым в узусе не зафиксировано, 5) контаминация, 6) образование слов на базе ФЕ, 7) замена компонента антонимической лексемой. В нашей картотеке содержатся 3 ФЕ **не вакса, сапогом сыграть, счастлив твой Бог**, не зафиксированные ни толковыми словарями современного русского языка, ни фразеологическими словарями. Их значение можно определить только исходя из контекста: «Впрочем, вот в углу два не то старших дворника, не то водочных сидельца солидно переговариваются: – Да, это тебе не шутки. Это тебе не вакса. <...>

Это тебе не вакса. Многое случается». Однородное включение ФЕ *не вакса* с узуальной призначной ФЕ *не шутка*, подвергшейся морфологической трансформации (в узусе – *не шутки*), позволяет определить значение окказиональной ФЕ *не вакса* – «вполне серьёзно, очень важно».

18 ФЕ образуются формально-грамматическим способом, представленным двумя приёмами: 1) изменение категориального значения, 2) деривация.

Образование одной ФЕ является следствием семантической инверсии (конверсии ситуации, ролевой инверсии), относящейся к семантическим трансформациям.

В третьей главе «*Семантическая структура ФЕ мемуаров Г. Иванова*» исследуется семантическая структура фразеологизмов, используемых в мемуарах Г. Иванова. Все фразеологизмы классифицируются на основе типов категориального значения. В основе данной классификации, разработанной А.М. Чепасовой, содержится ряд теоретических положений:

1. Фразеологическое значение является многоаспектным и зависит от соотносённости фразеологизма с реальией объективной действительности, с понятием или представлением, с другими языковыми знаками (лексическими и фразеологическими). В зависимости от этой соотносённости в его структуре выделяются денотативный, сигнификативный и коннотативный макрокомпоненты.

2. Предметно-логическое содержание номинативных фразеологизмов образует денотативно-сигнификативный макрокомпонент. При этом значения ФЕ различаются по их соотношению: денотативный компонент преобладает в значениях ФЕ, номинирующих объекты, доступные непосредственному чувственному восприятию; сигнификативный компонент доминирует в семантике ФЕ, номинирующих объекты, которые познаются в результате абстрагирующей работы мышления.

3. Предметно-логическое содержание образуется совокупностью иерархически организованных сем разного уровня абстракции:

- категориальный уровень представлен семами наибольшей степени абстракции, общими для всех единиц одного класса;
- субкатегориальный уровень представлен семами, интегральными для больших фразеограмматических разрядов;
- семы группового уровня позволяют интегрировать фразеологизмы в семантические группы внутри субкатегорий;
- наименьшей степенью абстракции обладают дифференциальные семы, формирующие индивидуальное фразеологическое значение.

4. Семантическая структура фразеологизмов характеризуется:

- сложностью, проявляющейся в сосуществовании в пределах одного значения нескольких одинаково важных для существования этого значения семантических элементов;
- высокой степенью абстракции, обнаруживающейся в способности фразеологизма обозначать широкий круг однородных предметов, приписываемых им свойств, действий, процессов, а также понятий об этих предметах, свойствах, действиях и процессах (А.М. Чепасова 1983).

В зависимости от способности фразеологического значения быть средством обозначения понятия фразеологизмы русского языка делятся на номинативные (обозначающие) (§ 1) и неноминативные (§ 2).

В мемуарных текстах Г. Иванова представлен 1081 узуальный фразеологизм следующих семантико-грамматических классов: предметные (80 единиц), призначные (110 единиц), процессуальные (114 единиц), качественно-обстоятельственные (328 единиц), количественные (9 единиц); модальные (151 единица); релятивные (125 единиц), конъюнкционные (55 единиц), партикульные (110 единиц).

Номинативные ФЕ – вторичное средство номинации объектов различных сторон реального мира, грамматические ФЕ являются средством выражения связей или средством уточнения понятия, модальные ФЕ выражают эмоциональные и рациональные отношения человека к высказанной мысли.

Среди номинативных фразеологизмов наиболее представленным является класс качественно-обстоятельственных фразеологизмов – 328 единиц (51 % от числа номинативных единиц и 30 % от общего числа употреблённых в тексте), среди которых преобладают фразеологизмы субкатегории качества (215 ФЕ – 65 % от общего числа единиц этого класса). Внутри субкатегории качества самой представленной является группа ФЕ со значением образа действия (145 ФЕ – 68 % от общего количества ФЕ субкатегории качества), в которой, в свою очередь, наиболее частотной оказывается подгруппа со значением модального качества речемыслительного действия и звучания (44 ФЕ – 30 % от общего количества фразеологизмов с этим групповым значением): *без опаски, без умолку, без утайки, в тон, на полуслове (полслове), с выражением, своими словами, на «ты», сквозь зубы* и др., что может быть объяснено профессиональной принадлежностью мемуариста.

Самыми представленными среди грамматических ФЕ оказались релятивные фразеологизмы (фразеологические предлоги) – 125 ФЕ (43 % от числа грамматических ФЕ).

Наиболее частотными в классе модальных ФЕ, по данным нашей картотеки, являются единицы, выражающие рациональное отношение говорящего к действительности: *без (вне) всякого сомнения, в (на) самом деле, должно быть, если (я) не ошибаюсь, так (оно и есть)* и др. – 93 ФЕ (62 % от числа модальных ФЕ) в 452 употреблениях (81 % от общего числа употреблений модальных ФЕ), что составляет 4,8 употребления на одну ФЕ этой субкатегории. Дальнейшая классификация свидетельствует о примерном равенстве использованных ФЕ с групповым значением «внесение в высказывание отношения уверенности, убеждённости» (14 ФЕ) и ФЕ со значением «неуверенности, сомнения» (16 ФЕ), что обусловлено возможностями тезауруса. Значительное преобладание числа употреблений ФЕ с групповым значением уверенности/неуверенности (213 и 50) диктуется интенциями говорящего.

Фразеологизмы в мемуарных текстах Г. Иванова различаются частотой употреблений: 641 номинативная ФЕ отмечается в 1179 употреблениях, 290 грамматических ФЕ имеют 1242 употребления, 151 модальная ФЕ – 555 употреблений.

Выбор языкового знака в процессе организации речи (создания текста) определяется несколькими факторами: коммуникативными установками субъекта речи, его коммуникативно-прагматической компетенцией, внутренними и внешними особенностями самого речевого знака. Широкое употребление фразеологизмов в мемуарных текстах Г. Иванова определяется совокупностью всех названных факторов. Важную роль играет значение ФЕ как языкового знака. Фразеологическое значение обладает большим информационным потенциалом, поскольку включает в себя денотативно-сигнификативный план, яркую коннотацию, образность, внутреннюю форму.

В четвертой главе *“Текстовые функции фразеологических единиц в мемуарах Г. Иванова”* излагается теория вопроса текстовых функций ФЕ, выявляются функции фразеологизмов разных типов семантики, описываются способы их введения в контекст мемуарного повествования Г. Иванова.

В § 1 *“Проблема текстовых функций фразеологизмов в лингвистической теории”* содержится обзор теоретических исследований, посвящённых проблеме функционирования языковых единиц в тексте, высказывается общее положение о том, что функции и функционирование языковых единиц определяются их сущностными содержательными и формальными свойствами. Наличие в семантической структуре денотативно-сигнификативного компонента способствует выполнению ФЕ номинативной функции, которая является основной для ФЕ пяти семантико-грамматических классов: предметных, призначных, процессуальных, качественно-обстоятельственных и количественных. Подобно другим номинативным единицам языка, ФЕ служат средством познания окружающего мира, то есть выполняют когнитивную, или познавательную, функцию. Коннотативный компонент, включающий три микрокомпонента – эмотивность, оценочность, экспрессивность – способствует выполнению ФЕ прагматической функции, назначение которой – выражать отношения говорящего к действительности, к содержанию общения и к адресату речи. Для фразеологических предлогов, союзов и частиц основной функцией является строевая, или грамматическая. Выделяемые исследователями специфические признаки фразеологического значения – сложность предметно-логического содержания фразеологизма; диффузность фразеологического значения, проявляющаяся в том, что понятие, обозначенное ФЕ, характеризуется и оценивается с разных сторон; особая природа внутренней формы ФЕ, создающейся ситуациями, закреплёнными в значениях слов, ставших компонентами другой языковой единицы и являющихся носителем фразеобразовательного значения; бóльшая антропоцентричность по сравнению с лексическим значением; омонимичность фразеологического значения синтаксическому значению нефразеологического словосочетания, сочетания слов и терминологического сочетания – увеличивают коммуникативный потенциал фразеологической единицы в сравнении с коммуникативным потенциалом лексической единицы. Под коммуникативным потенциалом мы, вслед за Н.С. Болотновой (2007), понимаем закреплённую в сознании носителей языка благодаря ассоциативности мышления и имеющейся в обществе традиции употребления потенциальную способность лексических (и фразеологических – М.П.) единиц соотноситься с определёнными ситуациями общения, передавая “квант” знания о явлениях реального мира или сознания и

определённый прагматический заряд. Коммуникативный потенциал обуславливает текстообразующие возможности языковых единиц.

В § 2 “Функции ФЕ разных типов семантики в мемуарных текстах Г. Иванова” выявляются текстовые (относящиеся к тексту) функции – лаконизации речи, обобщающая, метатекстовая, динамическая, стилистическая функция в её изобразительно-оценочной разновидности – и текстообразующие, связанные с непосредственным участием ФЕ в реализации текстовых категорий – информативности, модальности, континуума и когезии, автосемантии отрезков текста, интеграции и завершенности. Свообразие функционирования ФЕ в мемуарах Г. Иванова проявляется в синкретизме – одновременном совмещении нескольких функций на уровне минимальных отрезков текста: «*И – кто устраивал заговоры, кто молился, кто шёл через весь город, расплзающийся в оттепели или обледенелый, чтобы увидеть, как под нежный гром музыки, в лунном сиянии на фоне шелестящих, пышных бумажных роз – выпорхнет Жизель, вечная любовь, ангел во плоти...*». Предметная ФЕ *ангел во плоти* – «кроткий, чуткий, непорочный человек» называет лицо по его морально-нравственным качествам. Наряду с доминирующими семами «порядочный», «высоконравственный», в семантической структуре ФЕ содержится коннотативная сема «позитивная оценка». В данном случае ФЕ выступает в синтаксической функции приложения, относящегося к прецедентному имени *Жизель*, ассоциирующегося у читателей со страданием и жертвенностью. Находящаяся в микроконтексте в сильной позиции ФЕ *ангел во плоти* подытоживает контрастное описание воссоздаваемой эпохи (участвует в реализации категории информативности), одновременно являясь ассоциативной формой когезии, обеспечивающей логическую последовательность (континуум) в реализации авторской задачи, – показать противоречивость эпохи.

В § 3 “Способы введения ФЕ в контекст мемуарного повествования Г. Иванова” отмечены следующие способы введения ФЕ в контекст: 1) использование одной ФЕ (употребление ФЕ с совмещённым омонимическим значением; введение ФЕ с одновременным контекстным толкованием; введение ФЕ по типу загадки); 2) включение ФЕ в сочетании с другими ФЕ (семантически сходные ФЕ (приём амплификации); семантически противоположные ФЕ (приём антонимизации); ФЕ в сочетании с компонентами других ФЕ; две семантически не связанные ФЕ; две ФЕ, связанные причинно-следственными отношениями); 3) употребление рядом одинаковых ФЕ или ФЕ и её варианта; 4) употребление ФЕ в сочетании с другими языковыми единицами (ФЕ и семантически сходная с ней лексема; ФЕ, выступающая в качестве перифразы лексической единицы; ФЕ и лексема, семантически с ней не сочетающиеся).

В заключении подводятся итоги проведённого исследования, намечаются перспективы изучения проблемы. Многоаспектный анализ ФЕ, функционирующих в мемуарных текстах Г. Иванова, позволяет утверждать, что фразеологизмы являются средством формирования идиостиля писателя, своеобразие которого определяется: 1) количеством и частотностью употребления ФЕ, 2) приёмами авторской модификации узуальных ФЕ, 3) особенностями введения ФЕ в контекст.

Употребление ФЕ в мемуарах Г. Иванова имеет обусловленный жанром характер, определяется совокупностью коммуникативных установок автора: обозначить референтную ситуацию, выразить эмотивно-оценочное состояние, воздействовать на адресата. Совокупность особенностей употребления ФЕ позволяет говорить о стилиобразующей роли фразеологизмов в мемуарных текстах Г. Иванова, об их влиянии на формирование идиостиля писателя, отличительными чертами которого являются *эмоциональность, оценочность, прагматичность*.

Отсутствие единообразия в понимании общеязыковых/речевых, стилиобразующих/жанрообразующих функций обуславливает необходимость дальнейшего исследования текстообразующих, концептообразующих функций в целом. Перспективным является выявление характерных для мемуарных текстов Г. Иванова концептов и способов их языковой вербализации, описание идиостиля Г. Иванова во всей полноте жанрообразующих элементов в сфере лексики и фразеологии.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

Функции предметных фразеологизмов в мемуарных текстах Г. Иванова // Омский научный вестник. – 2006. – № 6 (41). – С. 250 – 254

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Авторские приёмы преобразования фразеологических единиц в мемуарных текстах Г.В. Иванова “Петербургские зимы” // Наука и образование: проблемы и перспективы: Материалы научно-практической конференции (18 – 19 мая 2004 года). Часть 1. – Тара, 2004. – С. 174 – 180

2. Функционирование узуальных фразеологизмов в жанре литературного портрета (на материале мемуаров Г. Иванова “Петербургские зимы”) // Фразеологические чтения памяти профессора В.А. Лебединской. Выпуск 2. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. – С. 162 – 165

3. Фразеологические единицы как обязательный текстовый компонент мемуарной прозы Г. Иванова “Петербургские зимы” // Лингвистические и методические аспекты системных отношений языка и речи: Материалы X юбилейной международной научной конференции “Пушкинские чтения” (6 июня 2005 года). – СПб: Сага, 2005. – С. 185 – 188

4. Текстовые функции предметных фразеологизмов в мемуарах Г. Иванова “Петербургские зимы” // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция (17 – 19 марта 2006 года). – М.: ООО Изд-во “Элпис”, 2006. – С. 248 – 254

5. Текстовые функции призначных фразеологизмов в мемуарах Георгия Иванова // XI Пушкинские чтения: Русистика. Методика. Лингводидактика: Материалы международной научной конференции (6 июня 2006 года). Т. 2. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2006. – С. 120 – 126

6. Функции трансформированных ФЕ в мемуарах Г. Иванова “Петербургские зимы” // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция (Кострома, 20 – 22 марта 2008 года). – М.: ООО «Изд-во “Элпис”», 2008. – С. 377 – 380

Заказ №420
Отпечатано в «Полиграфическом центре КАН»
тел. (3812) 65-23-73.
644050, г. Омск, пр. Мира, 11А
Лицензия ПЛД № 58-47 от 21.04.97

Подписано в печать 08.08.08. Формат 60x84/16. Отпечатано на ризографе.
Печ. л. 1,5. Уч.-изд. л. 1.4. Тираж 110 экз.

10 =